

Ильгиз Гиматова

Крысиные острова

18+

Ильгиз Гиматов
Крысиные острова

«Автор»

2026

Гиматов И.

Крысиные острова / И. Гиматов — «Автор», 2026

На протоках Камы в конце 90-ых прошлого века идет незаметная для окружающих жизнь отверженных от общества людей. Происходят столкновения личностей, характеров, случаются различные криминальные истории

© Гиматов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Где-то на протоках Камы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Крысиные острова

Где-то на протоках Камы

Ночью к островку прибило утопленницу.

Как принято у них, у утопленников, тело женщины лежало в воде лицом вниз. И было уже слегка раздуто. Оно и понятно. Идет процесс разложения и соответствующее ему газообразование. Иначе не всплыла бы со дна. Руки подтянуты к голове. Как у боксера. Ноги слегка поджаты.

Островок находится ровно по середине протоки и словно кораблик острым носом пересекает ее пополам. С обеих сторон островка сильное течение. Пристать можно, если уж продолжить сравнение с кораблем только с кормы. Сюда в образовавшуюся заводь среди зарослей кустов ивы и вербы сносится и выбрасывается разный хлам и мусор. Среди него бывает и много полезного, необходимого для выживания. Взять хотя бы пустые пластиковые бутылки. От мелких до пятилитровых. В них отстаивается речная вода для умывания. И для питья. Если совсем уж не будет терпежа.

В заводи постоянно можно найти доски и бревна для укрепления землянки и ветки для костра. Подсушил слегка и пали за милую душу.

Но тело утопленницы здесь появилось впервые. Ее светлые длинные волосы, как щупальца медузы, расплзаются в разные стороны. Лица не видно.

– И слава богу... А то будет потом снится... – бормочет худой с жидкой бородкой парень лет тридцати. Он рассматривает джинсы, плотно обтягивающие длинные ноги того, что еще недавно явно было молодой женщиной.

– Снять навряд ли получится... Вон как раздуло... Если резать, на хрен они кому тогда нужны... А вот кроссовки можно с тебя сдернуть, красотка... Они на вид вполне приличные. Что добру пропадать... Утопленникам кроссовки не нужны.

– Коля! – женский голос звучит глухо словно из-под земли. Так оно и есть. За спиной мужчины в метрах двадцати вход в землянку, прикрытый брезентовым пологом. – Коля! С кем это ты разговариваешь?

– Тут одна бабенка просится на постой...

– Смешно!

– Очень... -

Коля веткой пытается развернуть утопленницу. Та сопротивляется. Волосами цепляется за ветки кустов. Или это кусты цепляются за ее волосы... Наконец мужчине удается сделать задуманное. Он опускается на колени и двумя руками берется за одну из кроссовок. Старается при этом не задеть тела. Дергает на себя. Кроссовка легко соскакивает со ступни. То же происходит и со второй обувкой.

– Ну теперь плыви... Извиняй, если что не так... – Коля отталкивает веткой тело. – Там ниже по течению рыбаки. Они тебя прихватят сетями и позвонят куда надо... У них радиотелефон. А может и не позвонят

– Коля! Пожевать бы чего... – слышится из земляной ямы.

– Счас, – голос мужчины наполняется раздражением. – Ваше величество, вам кофе в постель или ну его на х...?

– Смешно! Но жрать очень хочется!

После этого возгласа становится тихо. Только слышны легкие всплески течений по стонам островка и шелест ветерка в зарослях прибрежных кустов.

Мужчина вдавливая в землю два крепких обломка веток и вешает на них мокрые кроссовки. Оглядываясь на них идет к землянке.

– Почти новые!

Довольный собой и добычей исчезает под пологом.

.

В вагончике за широким и длинным столом девять мужчин. У всех загорелые обветренные лица. Артель рыбаков обедает.

Посреди стола большая эмалированная посуда доверху наполненная кусками жареной рыбы. Рыба сверху обсыпана кольцами лука. Рядом на холщовой тряпице горкой нарезанный крупными ломтями хлеб и алюминиевая мятая тарелка с солью.

– В горло не лезет! – самый молодой рыжеволосый рыбак с отвращением смотрит на рыбу. – Утром – рыба... В обед – рыба... И вечером опять рыба... Кулик! Хотя бы по сотке фронтовых... Для продавки.

– Ты, Федька, еще не навоевал ни на сотку, ни на полсотки... – щерится остатками зубов пожилой мужик с залысинами на голове. – А тут тебе и щука, и сазан... Ешь – не хочу!

– Мясо хочу! – вскидывается молодой. – И выпить хочу! И бабу хочу!

– Вполне нормальные желания здорового мужского организма, – тихим голосом произносит седой мужичок, сидящий во главе стола. Он невзрачного вида. Узкоплечий. Свитер на нем висит мешком. Обыкновенное лицо. Взгляду не за что зацепиться. – И эти желания легко осуществимы, Федор. Завтра приедут покупатели... Отчаливай с ними. И можешь ужираться каждый день и мясом, и водкой, и бабами... Если будет на что. И вспомни Федя, каким ты приехал сюда в апреле. Доходяга. Еле ноги волочил. Где мы тебе с Копченым подобрали? На каком вокзале ты побирался? Тебя уже бы кончили там... А тут гляньте – отъелся. Морда лица, как самовар трехведерный сияет – в двери вагончика не проходит.

За столом все почтительно молчат. Федька рассматривает выцветшие узоры на старой клеенке.

– И хочу вам напомнить, мужики, наш уговор, – чуть слышно продолжает седой. – Всякий сорвавшийся до конца сезона расчета не получает. Его доля раскидывается поровну на всех оставшихся.

– Верно толкуешь Степан Петрович, – кивает лысый рыбак. – Здесь никого силком не держат... Лето отпахали... Осталось всего немного до ледостава. Выдержим. А потом все кабаки наши. И все бабы...

Мужики за столом оживленно переглядываются, улыбаются. Тянутся к миске с рыбой.

– А слабакам, – опять тихо произносит Степан Петрович, – в качестве выходного пособия выдается пара лещей на дорожку.

Сидящий напротив Петровича здоровенный, широкоплечий, с черным словно прокопченным лицом, мужик разводит длинные обезьяньи руки:

– Верно, бугор! Вот такого размера!

Слова тонут в грохоте смеха.

Федька с пылающим лицом выскакивает из вагончика.

.

– Серега, я к тебе приехал не водку пить... А набраться новых впечатлений... – пухлая ладонь круглолицего толстячка опускается на стакан. – Мне уже хорош! Я лучше чебака сушеного погрызу.

Серега держит на весу наполовину опустошенную бутылку водки над рукой закрывшей стакан.

– Брось, вые... выеживаться, Вадим... – Серега гогочет. – Убери руку. А то я тебя сейчас оболью...

У Сереги лицо гладиатора. Битое перебитое. Нос свернут и расплющен. Уши сломанные – бесформенными пельмешками лепятся к бритой голове, покрытой шрамами. Самый страшный шрам рассекает левую бровь и продолжается по щеке.

– Я где-то читал, Хемингуэй всегда писал поддатым... Сечешь? А сколько написал! И про рыбалку на море... И про колокол... А ты, бумагомаратель, что написал?

– А я еще напишу... – водка уже ударила в голову Вадима. – Знаешь, Серега, сколько тем и мыслей в голове... Но работа в газете непрерывный конвейер. Выгораешь до нуля. И для свободного творчества уже нет сил.

– Ну да... Постоянно целовать власть имущих в одно известное место требует сосредоточенности и постоянных усилий... Вам, журналюгам, не позавидуешь... Себя ломаете через колено. Поймали какого-нибудь работягу дядю Васю на заводской проходной с куском медного провода – вы разгромную статью о том – ай, ай, ай – не хорошо брать чужое! А потом репортаж из зала суда. Пять лет дали дяде Васе! И поделом! – обличаете и в газете, и в телевизоре. Не воруй, дядя Вася! А другой дядя, и не важно, как его на хрен зовут, хапнет весь завод, а вы: ура! Приватизация! Дорогу предпринимательству! Светлая голова! Обещал денежку подбросить редакции! Давайте мы его в депутаты выберем!

– Что ты завелся, Серега? Сейчас аналитика на местном уровне никому не нужна. Идет поток отчетов и информации. Умный читатель сам ее анализирует и делает выводы. А какими будут выводы, зависит от многих факторов. Там много нюансов. И размер шрифта. И иллюстрации. И стиль, и порядок изложения и форма подачи материала. И его расположение на газетной полосе. И многое другое. В этом высший пилотаж современной журналистики... Вроде редакция не навязывает напрямую читателю своего мнения, но делает все, чтобы выводы были у него такие, какие нужны. Ферштейн. майн камрад?

– Ферштейн, ферштейн... Насобачились вы, газетчики, свое гнуть. Здорово вас натаскали...

– Кто на что учился, брат... Так что ты напрасно гонишь про целование власть имущих в одно место... Это почти оскорбление свободной демократической прессы!

Вадим смеется.

Смеется и Серега.

– Почти не считается. У вас есть свобода выбора как часто и как продолжительно целовать, с языком или без и самостоятельно определять глубину проникновения...

Вадим, продолжая смеяться, вскакивает. Живот его качается одновременно и вверх – вниз, и из стороны в сторону.

– Убью! Ты Серега не только диссидент, но и извращенец!

– Есть такое... Но только на уровне кухонных бесед с самим собой при затемненном окне и выключенном свете.

– Ладно, наливай, – Вадим убирает ладонь со стакана. Умеешь уговаривать... Но ты тоже здесь по полной обхаживаешь и улаживаешь своих боссов-барбосов. Разве не так? Не выпендривайся. Кто платит, тот и танцует девушку.

Серега повел широкими плечами.

– А я о чем толкую... Современная жизнь требует не только постоянных усилий выжить, но и полного отсутствия брезгливости. Мой босс – барбос приезжает сюда только по выходным. И то не по каждому... А в остальное время я здесь сам себе и бог, и царь, и жнец, и кузнец и на дуде игрец – холостой, многократно удачно женатый и столько же счастливо разведенный почти что молодой сорокалетний мужчина в расцвете всех сил. Как Карлсон. Немного покарябанный... Но шрамы, говорят, украшают мужчину.

– А я, застрявший в переходном подростковом возрасте сорокалетний мужичка, живущий с родителями. С маленькой зарплатой, без перспективы занять свое жилье. – Вадим держит на весу стакан и смотри через него на лампочку, свисающую с потолка. – Раньше, в совсем еще недавние коммунистические времена, сотрудникам официальных городских газет давали квартиры... Сейчас времена иные – не понятные... Все норовят пнуть газетчиков и поучить,

о чем писать и как писать... Забрал бы ты меня к себе, Серега... Я бы научился твои браконьерские сети починять. А?

– Что-то аналогичное было у классика: милый дедушка, забери меня к себе Христа ради!.. И отправил ребяенок письмо на деревню дедушке... И до сих пор ждет... Но нет ни дедушки, ни ответа.

– Ну, дык, ты же хороший дедушка. Заберешь?

– Ты, Вадик, романтик. Все еще веришь в справедливость в этом мире. Живешь эмоциями и чувствами... А здесь в глухомани речных островов романтики быстро спиваются. Или в поисках справедливости без вести пропадают. Ты уж давай там в городе помогай строить капитализм с человеческим лицом, раз с развитым социалистическим обществом у нас не вышло... А здесь, постоянная крысиная возня, грызня за выживание людей, сбжавших от себя, от ответственности за себя и за страну. Вот так оно звучит, если говорить вашим высокопарным казенным газетным языком.

– И ты в их числе, Серега?

– А я и не отрицаю этого. Здесь – ты заметил? – вдоль берега в несколько рядов вагончики и постройки. База на базе. Базы отдыха различных организаций и предприятий. У Высоцкого помнишь? «Каждый взял себе надел, кур завел и в нем сидел...» Примерно вот так и здесь. Сама идея нормальная. Дать возможность работникам своим задешево отдохнуть по выходным, порыбачить, в баньке попариться и по пьянствовать слегка на природе. Что здесь плохого... Согласись.

– Соглашаюсь, – Вадим склоняет голову набок и внимательно слушает.

– Другое дело, работяг здесь не часто увидишь. В основном приезжают на уровне начальства среднего звена. И то они стараются без жен, и семей... Первые лица конкретно отдохнуть не приезжают. Не тот уровень для них. Кроме моего босса. Да его никто и не видит. Приезжает сам за рулем в темноте и срывается также впопыхах. Штирлиц! Но я не об этом... Хрен с ними, это их дела. Главное для нас что мы с этого имеем.

Вадим уже плывет от водки. Щеки розовеют. Но старается слушать внимательно, чтобы не обидеть друга.

– И везде, заметь Вадик, на каждой базе, а их здесь больше двух десятков примыкает друг к дружке, в роли зрителя, заведующего или просто охранника – да ты как хочешь их назови, обязанности одни те же – сплошь вышедшие в тираж спортсмены, бывшие тренеры и методисты по спорту. И все – «подснежники». Числятся специалистами по самым высоким разрядам. Бездельничают и спиваются потихоньку. Теряют свои семьи. Почему они оказались здесь?

– Ты меня спрашиваешь? – Вадим подпирает щеку ладонью. – Отвечу. Потому что они бездельники и халявщики.

– Мимо. Потому что их не оценили там, в городе, и поэтому они не смогли реализоваться. Это своего рода протест.

– Протест самовлюбленных неврастеников и безвольных эгоистов.

– Хочешь в лоб?

– А ты?

– Ладно, боевая ничья.

– Там, Серега, дальше у Высоцкого поется: «Охранять свой надел – не удел...»

– А мне, Вадик, нравится моя сегодняшняя жизнь... Я в ней не последний человек... Ладно, хватит сопли жевать! Давай нажремся, как сто лет назад. Помнишь, перед армией ходили драться на танцы в городской парк?

– Помню. Мы тогда всем двором занимались спортом – не бухали. Привязывались к пьяным пацанам не по делу... А сейчас сами квасим по-черному.

– Вот именно, Вадик. Давай выпьем за юность нашу непорочную!

Стаканы опустошаются. Закусывают отварной рыбой.

– Это что за зверь? – спрашивает Вадим.

– Сазан. Еще вчера чавкал в камышах...

– На удочку?

Сергей блаженно скалится. И от этого его лицо становится еще страшнее.

– Хорошо пошла... Здесь, Вадик, удочками рыбу не ловят.

Вадим пододвигает свой стакан к бутылке.

– Ладно... Чего уж там... Наливай. Но учти, Серега, мне редактор, наш старый пер-хер, дал два дня отгула и задание – написать лирическую зарисовку о поздней осени и что-нибудь необычное о речной рыбалке. Напишем, Серега?

– Напишем, Вадик. Впечатлений будет выше крыши – на целый роман. Обещаю. Я сейчас... Погодь чуток... Выйду подышать.

Через несколько минут Серега возвращается в вагончик с полиэтиленовым пакетом, туго стянутым бечевкой. Срывает бечевку и достает из пакета что-то тяжелое завернутое в тряпку. Разворачивает. На тряпице во всей своей железной красе возлежит револьвер.

– Самоделка, – говорит Серега. – Но действующая копия настоящего. Только красивее. Хромированный...

– Откуда?

– От верблюда, гражданин начальник... Нашел на берегу. Вот сейчас как раз иду сдавать пистолетик вам, гражданин начальник... Ты что, Вадик, фильмы про ментов и бандитов не видел и не знаешь, как отвечают на такие вопросы? Спрашивать у джентльмена откуда ствол – дурной тон. Ментовщина!

Серега достает из пакета две коробки патронов.

– Заглянем в артель к рыбакам... Там без оружия не хрен делать. Отморозки. У них за пахана Кулик. Фамилия у него Куликов. Зовут Степан Петрович... Встретишь на улице и внимания не обратишь. Плюгавый, сморщенный, седенький... А по сути зверь. Оттянул десятку за убийство... Это только за доказанное... Сами артельщики говорят: Петровичу человека порешить, что комара раздавить. В помощниках у него человек похожий на обезьяну. У него кличка – Копченый. Они весной набирают по городам бригаду из подыхающих бомжей и конечных алкашей... И гребут мешками рыбу из протоки. Сдают торгашам по дешевке... А этих своих батрачков кидают осенью. Они потом здесь у нас на базе среди вагончиков с недельку побираются. Пока менты их скопом не увезут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.